

Неслышно играя наборной уздечкой,
 Бесшумно крадусь над притихшею речкой.
 Колотится сердце в ушах у меня:
 Мне надо украсть Вороного коня.
 Мигают над городом бледные звёзды.
 Над городом месяц оскалился грозно.
 Пока не взошла золотая заря –
 Мне надо украсть Вороного коня.
 Мой конь и не знает, что я уже рядом,
 Что через минуту мы встретимся взглядом,
 Что Ветер-изменник тревогу принёс –
 Конь сонно жуёт золотистый овёс.
 Не слышит мой конь, что шумит ему Ветер,
 Он дремлет в уютной, обструганной клетки.
 Накормлен, ухожен и конюх – родня...
МНЕ НАДО!

Украсть Вороного коня.
 Прощайся со стойлом и вкусным овсом.
 Проснись, Вороной!

Еле скрипнул засов.
 Секунда – и воздухом дышится чистым!
 И ветер в лицо ударяет со свистом!
 И, тёплый асфальт разбивая копытами,
 Сквозь лай мы несёмся из города сытого.
 ...И вот за спиною, лениво шурша,
 Бессмысленно шепчется плёс Иртыша.
 Мы вырвались!

Наша погоня отстала.
 Погоня в конюшню вернулась устало.
 Кричала погоня, что мало зарплаты
 И кони погони совсем не крылаты.
 «На что вам раздолье берёзовых колков?» –
 Мы сами, признаться, не ведаем толком.
 Не спрашивай нынче про это меня –
 Я всё же

украл

Вороного

коня!

Старый волк

Клыки сточились.

Облезла шкура.

Глаза слезятся...

Раз – ну и ну! –

Завыл на солнце однажды сдуру,
 Как прежде, в юности, – на луну.

Волчица мчится с другим бок о бок,
 Вонзаясь хищно в ночную тишь.
 А тут скулишь и мечтаешь, чтобы
 Поймать хотя б полевую мышь.

И ты на лавке сидишь у хаты,
 Костыль отставив,

смолишь табак

И вспоминаешь, как мы когда-то
 Сходились в схватках,

мой старый враг.

Припомнишь вмиг молодые годы,
 Узнав мой жёлтый, тяжёлый взгляд.
 Не торопись, я дождусь и гордо
 Приму на грудь роковой заряд.

В село открыто войду я нынче,
 А прежде – крался через бурьян,
 Чтоб стать последней твоей добычей,
 Мой верный недруг, старик Иван.

* * *

*Фотографию двух погибших детей
 съжёт на глазах их матери, Айседоры
 Дункан, в порыве ревности Сергей
 Александрович Есенин.*

Проклятый случай не даёт покоя мне:
 Ну что же вы наделали, Сергей?
 Металась женщина прекрасная по комнате,
 Пытаясь уберечь своих детей.

Другой бы кто...

Но вы – поверить страшно!

Ещё страшнее было вспоминать,
 Как фото, что спалила ревность ваша,
 Рыданьями не вымолила мать.

Потом вы каялись и пили до потери...
 Тут я себя на мысли вдруг ловлю:
 Других причин хватало в «Англетере»,
 Но ЭТА затянула ТУ петлю.

Когда курил седьмую сигарету,
 Открылся разом страшненький секрет:
 В шкафу судьбы для каждого поэта
 В подарок припасён такой скелет.